

кі — усё гэта ставіць на парадак дня неабходнасць прымянення ў даследаванні лексікі наогул, а лексічнай тыпалогіі ў прыватнасці аўтаматызацыі, якая, такім чынам, разглядаецца не толькі як элемент прыкладных даследаванняў, але і як неабходная частка тэарэтычных даследаванняў у галіне мовазнаўства. У лексічнай тыпалогіі мэтазгодна бачыць не самамэту, а частку агульнатыпалагічнага вывучэння моў наогул і славянскіх у прыватнасці. Уяўляецца, што лексічная тыпалогія здольная даць істотныя элементы агульнай тыпалагічнай характарыстыкі моў.

Названыя тут параметры нельга разглядаць ні як абавязковыя, ні, тым больш, як раўназначныя кампаненты тыпалагічнага апісання славянскага слова і славянскіх лексіконаў. Гэта толькі магчымыя параметры, якія выносяцца на абмеркаванне. Іерархію гэтых паказчыкаў, іх даволі складаныя ўзаемаадносіны можна будзе ўстанавіць тады, калі ўзнікне магчымасць рознабаковай і глыбокай комплекснай тыпалагічнай характарыстыкі лексіконаў хоць бы некаторых славянскіх (ды і неславянскіх) моў. Уяўляецца, аднак, што такія мэты трэба мець на ўвазе і цяпер, вырашаючы надзённыя і чарговыя задачы лексікалагічных даследаванняў, сярод якіх важна як паглыбленне ў гісторыю лексікона, высьвятленне яго паходжання, станаўлення і развіцця, так і разгляд структуры, арганізацыі, функцыяніравання лексічнага складу мовы на пэўным этапе яго гісторыі ў сінхронным зрэзе.

Б. А. ПЛОТНИКОВ

О СООТНОШЕНИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БЕЛОРУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория рода представляет собой одно из наиболее характерных грамматических явлений, свойственных существительным обоих языков. Грамматический характер этой категории проявляется как в формальных показателях, так и в обязательности ее выражения существительными. С генетической точки зрения категория рода связана с семантическими особенностями существительных, в частности с отражением в значении слов биологического понятия пола, отмечаемого у одушевленных предметов, а также приписываемого сознанием древнего человека неодушевленным предметам¹.

В процессе эволюции грамматической системы семантическая связь категории рода и понятия пола сохранилась в более или менее явном виде только у части одушевленных существительных (соотносимых с именами и некоторыми животными), но потенциальное отношение к полу может в определенных ситуациях проявляться грамматическим родом практически каждого существительного. Например, у существительных, обозначающих деревья в белорусском и чешском языках, категория рода представляется сугубо грамматическим явлением, однако в поэтических произведениях, где наиболее полно реализуются смысловые возможности слов, род существительных может играть ведущую роль в создании соответствующих поэтических образов. Так, в стихотворении Я. Купалы «Явар і каліна» весеннее настроение и лирические чувства интимных человеческих отношений передаются в значительной степени за счет противопоставления мужского и женского рода существительных, которыми озаглавлено стихотворение.

В стихотворении чешского поэта В. Галека «В природе» белая береза не случайно сравнивается то с выбежавшей из стада козочкой, то с тонкой и гибкой девушкой (ср.: *Vyběhla bříza běličká, jak ze stáda ta kozička ... Vyběhla jako rařenka, tak hebká a tak tenká...*): основанием для такого сопоставления несомненно послужила грамматическая общность женского рода чешских существительных *bříza* 'береза', *kozička*, 'козочка' и *rařenka* 'девушка'.

Можно сказать, что в современных белорусском и чешском языках грамматическая категория рода представляет собой еще не совсем иссякнувшее семантическое явление, хотя в целом «биологический» аспект категории рода находится у существительных скорее «на дне» слова, тогда как «на поверхности» обнаруживаются лишь формальные особенности, проявляющиеся преимущественно во флексиях существительных, согласным которым в обоих языках выделяются в единственном числе мужской, женский и средний род.

И в чешском, и в белорусском языках подавляющее число существительных мужского рода в именительном падеже единственного числа оканчиваются на твердый или мягкий согласный (ср.: белор. *брат, двор, дзень* и т. п., чеш. *bráň, hrad, stroj* и т. п.). Кроме того, имеется группа существительных, как правило, обозначающих лиц, с окончанием в именительном падеже единственного числа *-а* (ср.: белор. *бацька, старшыня* и т. п., чеш. *předseda, starosta* и т. п.) и окончаниями *-ы, -и* (так называемые отадъективные существительные, ср.: белор. *палаўнічы, рускі* и т. п., чеш. *grúvodčí, hajný* и т. п.). В отличие от белорусского языка в чешском к существительным мужского рода относится еще небольшая группа слов со значением лица с окончанием *-е(-ě)* в именительном падеже единственного числа (ср.: *soudce, hřabě* и т. п.).

К существительным женского рода в обоих языках относятся слова с окончанием *-а* в именительном падеже единственного числа (ср.: белор. *хата, дзядзьчына* и т. п., чеш. *děra, ruka* и т. п.), а также существительные без окончаний (ср.: белор. *кроў, рэч* и т. п., чеш. *kost, raměť* и т. п.). В чешском языке в отличие от белорусского к женскому роду относится также группа существительных на *-е* (ср.: *duše, ulice, přítelkyně* и т. п.).

К существительным среднего рода в обоих языках относятся слова с окончаниями в именительном падеже единственного числа *-о, -е* (ср.: белор. *жніво, галлё, змаганне* и т. п., чеш. *pole, okno, město* и т. п.). Отличие между обоими языками в данном случае заключается в том, что в белорусском языке к существительным среднего рода относятся слова на *-а* (ср.: *крэсла, слова* и т. п.) и *-мя* (ср.: *імя, польмя* и т. п.), а в чешском языке — слова на *-і* (ср.: *stavení, umění* и т. п.). Исключение могут составлять только слова, заимствованные чешским из других языков (грамматический род у заимствованных слов не всегда определяется по перечисленным окончаниям), а также слова, имеющие в обоих языках общий род или употребляемые только во множественном числе.

Подавляющее большинство незаимствованных, славянских по происхождению и сходных по форме (однокоренных слов) существительных в обоих языках имеет одинаковый род, однако у некоторой части таких существительных отмечаются родовые различия. Белорусским существительным мужского рода могут соответствовать однокоренные чешские существительные как женского, так и среднего рода. Родовые несовпадения в этих случаях, как правило, фиксируются и в неодинаковых формальных показателях сопоставляемых существительных. Например, мужскому роду белорусских существительных противопоставляются чешские существительные женского рода (ср.: *рад — řada, мухамор — muchomůrka, агурок — okurka, светлячок — světluška, луг — louka, пройгрыш — prohřá* и др.) или среднего рода (ср.: *вугаль — uhlí, корм — krmívo, аleshнік — olšovní, загаловак — záhlaví, звер — zvíře* и др.).

Белорусским существительным женского рода соответствуют чешские существительные мужского рода (ср.: *ветка — větev, выдача — výdej, галубятня — holubník, назва — název, мурашка — mravenec, пятніца — pátek* и др.) или среднего рода (ср.: *варка — vaření, яда — jídlo, заграница — zahraničí, купальня — koupaliště, набярэжная — nábřeží, вучоба — učení* и др.). Белорусские существительные среднего рода соотносятся с чешскими существительными женского рода (ср.: *белакроўе — bělokrevnost, давер'е — důvěra, знаёмства — známost, зарава — záře, марожанае — zmrzlina, падабенства — podoba* и др.) и в редких случаях

с существительными мужского рода (ср.: *злачыства* — *zločin*, *воблака* — *oblak*, *пойла* — *pároj*).

Наибольшее число родовых различий у существительных обоих языков приходится на заимствованные слова. Причем, в этих случаях в отличие от незаимствованных существительных нередко наблюдается полное внешнее совпадение слов, которые тем не менее считаются в белорусском и чешском языках существительными разного рода. С учетом внешней формы слов можно выделить следующие основные виды соотношений заимствованных существительных, у которых в обоих языках не совпадает род.

1. Существительным мужского рода без окончаний в белорусском языке соответствуют в чешском языке существительные женского рода с окончанием *-a* (ср.: *адрес* — *adresa*, *анализ* — *analýza*, *ліманад* — *lítopada*, *дог* — *doga*, *карабін* — *karabina*, *сезон* — *sezona*, *рэзерв* — *rezerva*, *брыкет* — *briketa* и др.).

2. С существительными мужского рода без окончаний в белорусском языке соотносятся в чешском существительные женского рода с окончанием *-e* (ср.: *асананс* — *asopance*, *баланс* — *bilance*, *дэмарш* — *demarše*, *крызіс* — *krize*, *легіён* — *legie*, *фазіс* — *faze*, *экстаз* — *extáze*, *сенси* — *sense* и др.).

3. Существительным мужского рода без окончаний в белорусском соответствуют существительные среднего рода на *-um* в чешском языке (ср.: *санаторый* — *sanatorium*, *актыў* — *aktivum*, *амоній* — *amonium*, *дамініён* — *dominium*, *квант* — *kvantum*, *музей* — *muzeum*, *юбілей* — *jubileum*, *спектр* — *spektrum* и др.).

4. Существительные мужского рода без окончаний в белорусском соотносятся с существительными среднего рода с окончаниями *-o*, *-e*, *-a* в чешском языке (ср.: *фінал* — *finále*, *тэмп* — *tempo*, *торс* — *torzo*, *намінал* — *pominále*, *накцюрн* — *pokturno*, *клімат* — *klima*, *квартэт* — *kvarteto* и др.).

5. Существительные в обоих языках совпадают по форме, но в белорусском языке они относятся к мужскому роду, а в чешском к среднему (ср.: *акварыум* — *akvarium*, *вакуум* — *vakuum*, *кворум* — *kvorum*, *максімум* — *maximum*, *пленум* — *plenium*, *форум* — *forum*, *рэквіем* — *rekviem*, *лінолеум* — *linoleum* и др.).

6. Существительные в обоих языках совпадают по форме, но в белорусском языке они относятся к мужскому роду, а в чешском к женскому (ср.: *гараж* — *garáž*, *пасаж* — *pasáž*, *манеж* — *maněž*, *пляж* — *pláž*, *сабатаж* — *sabotáž*, *танаж* — *tonáž*, *трамвай* — *tramvaj*, *трафей* — *trofej*, *рэванш* — *revanš* и др.).

7. Существительным женского рода с окончаниями *-a(-я)* соответствуют в чешском языке существительные мужского рода без окончаний (ср.: *акацыя* — *akát*, *бацыла* — *bacil*, *каністра* — *kanystr*, *люстра* — *lustr*, *марфема* — *morfém*, *рапіра* — *rapir*, *сістэма* — *system*, *эпапея* — *eporej*, *праблема* — *problém* и др.).

8. Существительные женского рода с окончаниями *-a(-я)* в белорусском языке соотносятся в чешском с существительными среднего рода на *-um* (ср.: *амбулаторыя* — *ambulatorium*, *віза* — *vizum*, *гімназія* — *gymnazium*, *калегія* — *kolegium*, *імперыя* — *imperium*, *аўдыторыя* — *auditorium* и др.).

9. С существительными женского рода с окончаниями *-a(-я)* в белорусском языке соотносятся в чешском существительные среднего рода с окончаниями *-o*, *-e* (ср.: *піжама* — *pížamo*, *рызыка* — *riziko*, *саранча* — *saranče*, *студыя* — *studio*, *тарпеда* — *torpédo* и др.).

10. Существительные совпадают по форме в обоих языках, но в белорусском они относятся к женскому роду, а в чешском к мужскому (ср.: *акварэль* — *akvarel*, *мадэль* — *model*, *пастэль* — *pastel*, *педаль* — *pedál*, *рысь* — *rys*, *фланель* — *flanel* и др.).

11. Существительные совпадают по форме в обоих языках, но в белорусском они относятся к женскому роду, а в чешском к среднему (ср.:

аксіёма — *axióma*, *альфа* — *alfa*, *астма* — *astma*, *догма* — *dogma*, *панарама* — *panoráma*, *тэма* — *téma* и др.).

12. Единичные существительные среднего рода с окончаниями *-a*, *-e* в белорусском языке соотносятся с существительными женского рода на *-e* в чешском (ср.: *дэкадэнцтва* — *dekadence*, *інтэнданцтва* — *intendance*, *каранаванне* — *kořinowace*) или с существительными мужского рода без окончаний (ср.: *консульства* — *konzulát*).

Отдельные существительные (как заимствованные, так и незаимствованные) в белорусском языке выступают в форме множественного числа, тогда как в чешском языке им соответствуют существительные определенного рода в единственном числе (ср.: *дэбаты* — *debata* женского рода, *каноплі* — *koporí* среднего рода), или наоборот (ср.: чеш. *parkety* — только множественное число и белор. *паркет* мужской род единственное число).

В белорусском и чешском языках наблюдается также небольшое число в основном незаимствованных существительных одинакового рода, с которыми в русском языке соотносятся существительные другого рода (ср.: женский род в белорусском и чешском языке и мужской род в русском языке у следующих существительных: *гусь* — *husa* — *гусь*; мужской род в белорусском и чешском языках и женский род в русском языке у существительных *летаніс* — *letopis* — *летопись*, *засек* — *zásek* — *засека*, *спех* — *spěch* — *спешка*, *млын* — *mlyn* — *мельница*; женский род в белорусском и чешском языках и средний род в русском языке у существительных *няроўнасць* — *nerovnost* — *неравенство*, *непаслухмянасць* — *neposlušnost* — *непослушание*, *меншасць* — *menšina* — *меньшинство*, *вераломнасць* — *věrolomnost* — *вероломство*; среднему роду существительных со значением детенышей в белорусском и чешском языках противопоставляются следующие существительные мужского рода в русском языке: *казляня* — *kůzle* — *козленок*, *львяня* — *lvíče* — *львенок*, *мядзведзяня* — *medvíče* — *медвежонок*).

Разнообразные виды соотношений категории рода у сравниваемых существительных свидетельствуют как о наличии общих моментов, так и об относительной автономности развития грамматических систем белорусского и чешского языков.

¹ См.: Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1972, с. 56; Есперсен О. Философия грамматики.— М., 1958, с. 268.

А. К. КИКЛЕВИЧ

К ВОПРОСУ О НЕОБРАТИМОСТИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

(на материале русского и польского языков)

А. М. Пешковский в широко известной полемической статье «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» указывал на характерный для сочинительной связи признак пространственной обратимости: «Производя перестановку в сочетании *сестры учительницы*, понимаемом разнопредметно, получаем два разных взаимоотношения (*сестры учительницы* и *учительницы сестры*). Производя перестановку в том же сочетании, понимаемом однопредметно (*сестры-учительницы* и *учительницы-сестры*), никакой разницы взаимоотношения не получим, потому что оно в обоих случаях остается обоюдным»¹ (согласно А. М. Пешковскому, сочинение — это равносторонний, параллельный, обоюдный, симметричный, обратимый, обоюдосторонний тип связи). Подобная точка зрения является традиционной и наиболее распространенной в теории сочинения, причем не только в русской лингвистике. «Одно из наиболее общих правил состоит, по-видимому, в том, — констатирует А. В. де Гроот, — что почти во всех языках в сочинительной группе име-